

Для москвичей оркестр Вероники Дударовой – дело привычное. Кто не бывал на её популярных абонементах в БЗК и зале Чайковского? Бетховен, Чайковский – всё известно, знакомо. А вот одна из шведских газет услышала её концерт по-иному: "Головокружительное впечатление. Звуковые каскады музыки великих мастеров. Что касается дирижёра Дударовой: это просто переодетый Герберт Караян!"

Первая советская женщина, покрывшая дирижёрский пульс, продолжает оставаться на посту. С народной артисткой СССР Вероникой Дударовой, отметившей в прошлом году своё 85-летие, беседует наш корреспондент **Аркадий ПЕТРОВ**.

– Вероника Борисовна, в Москве сейчас работает около двадцати симфонических оркестров. Много это или мало, на ваш взгляд, для 10-миллионного города?

– У каждого оркестра, видимо, есть свой слушатель, иначе коллектив очень скоро бы умер и творчески, и чисто житейски. Но в абонементных концертах, которые проводит филармония, участвуют всё-таки определённые коллективы. Я счастлива, что мой оркестр входит в их число... Нет, двадцать это много. Хватило бы пяти, семи.

– Вы играете много дневных концертов для детей. Не в этом ли ваша специализация?

– В программу нашего последнего концерта входили Девятая симфония Бетховена и g-moll-ная Моцарта. Это что – "детские" произведения? Замечу, однако, что дети эту программу прекрасно воспринимали. По словам одной дамы, её 7-летний внук сказал: "Мне казалось, что вокруг меня всё летит – то зелёные листья, то какие-то белые хлопья..." Так он визуализировал звуки музыки... Дети вообще всё тонко и точно чувствуют.

– А теперь позвольте вопрос о материальной стороне вашего искусства.

Как у вас с этим обстоят дела, есть ли репетиционный зал, где добываете инструменты?

– Инструменты нынче стоят громадных денег. Слава Богу, Министерство культуры нам кое-что выделяет на их закупку. Сейчас ведём переговоры и о репетиционном зале. Таких помещений почти нет, все рвут на части Большой зал консерватории, в котором по утрам репетирует Госоркестр, а днём – другие коллективы, солисты, певцы, органисты. Если у нас утренник – играем с листа, вообще без репетиций. А вообще-то наши репетиции проходят в тон-студии кино в Лиховом переулке. Лихие у нас дела!

– А как вы, кавказская женщина, попали в классическую музыку?

– Да какая там кавказская женщина?! Папа закончил Петербургский технологический институт, работал на нефтепромыслах инженером. Баку тогда, в 20–30-х годах, был очень музыкальным городом. Приезжал молодой Ойстрах, на концерты которого я регулярно бегала. Много было зарубежных дирижёров. Один из них – Стефан Штрассер – собрал вокруг себя талантливых ребят и опекал их. Он вёз нас на концерты, в оперу. Я, как ни стран-

неугомонная

Вероника Дударова: «Мой характер – твёрдый как камень».

– А много ли в мире известных женщин-дирижёров?

– Я знаю только американку Сару Колдуэлл – оперного дирижёра из Бостона. И ещё несколько женщин-дирижёров в Скандинавии. В "Геликон-опере" сейчас работает молодая молдаванка Виктория Унгуряну.

– А ваши профессора не пугали вас тем, что мужчины-музыканты могут отказать подчиняться дирижёру-даме?

– Мои педагоги прекрасно знали мой характер – твёрдый как камень. Мравинский как-то сказал, что если бы я была не девушкой, а молодым человеком, то немедленно взял бы к себе ассистентом. А потом неожиданно добавил: "Зная вас, вашу волю и темперамент, за ваше будущее я абсолютно спокоен!"

– А как вам работало с оркестром Московской областной филармонии? Вы ведь долгие годы провели вместе.

– Это был коллектив, созданный во время войны из очень слабых музыкантов. Постепенно, с огромным трудом, я его вышколила. Мы стали выезжать за границу. У меня хранятся газетные вырезки, где его именуют аж "одним из лучших в Европе". Но однажды у нас сорвалась выгодная за-

рубежная поездка (по ошибке в Латинскую Америку одновременно запланировали отправить нас и оркестр Светланова). Музыканты приписали этот просчёт мне, и тут же начался бунт на корабле – жалобы, письма в министерство, проверочные комиссии. В общем, наступила усталость в отношениях, завершившаяся разрывом. Они сказали: не хотим её, и тогда я тоже сказала: больше этим коллективом дирижировать не стану. Ушла и несколько лет была дирижёром-гастролёром (лучшее время моей жизни!). А потом в начале перестройки создала ещё один коллектив – нынешний.

– Вы уже столько лет работаете дирижёром. Не тяжело ли? Возраст-то, извините, далеко не девичий.

– А дирижёр – профессия без возраста... Кстати, вы угадали: готовлю себе наследника. Это мой ученик, дирижёр, который у нас работает, лауреат международного дирижёрского конкурса в Петербурге. Его зовут Туган Сохаев. Параллельно он служит в опере Уэльса – четыре месяца в году. Его высоко ценят Валерий Гергиев – и я.

– Прямо-таки осетинская мафия получается...

– Считайте, что так. Гергиев в Петербурге, я в Москве, и вот теперь ещё этот молодой человек. В Осетии много талантливых людей. Мы народ малочисленный, но одарённый.

– А как вы дирижуете – по нотам или наизусть?

– Всегда с партитурой. Однажды на моих глазах во время концерта Вилли Ферреро, дирижировавшего наизусть 4-й симфонией Чайковского, кларнетист по ошибке вступил на одну четверть раньше... и всё сразу рассыпалось. Это был такой ужас. Потом дирижёр остановился и заново сыграл эту часть. Я поняла тогда, что партитура нужна всем – за исключением, быть может, такого гения, как Лорин Маазель. Но это гений. А наши "без партитуры" – это в основном малорепертуарные люди, вызубрившие полтора десятка вещей, которые у них кочуют из концерта в концерт.

– Сколько часов в день у вас длятся репетиции?

– Обычная норма – четыре часа. Раньше иногда играли шесть – 2 часа одна группа, 2 часа вместе, 2 часа другая группа. Приходится вертеться – за сезон у нас 17–18 программ, а скажем, у Юренштейна – только 8–9.

– И как вы ухитряетесь держать физическую форму? Разминка, аэробика, бег, какая-то особая диета?

– Ни-че-го! Спасибо, наверное, папе и маме, ну и моему кавказскому происхождению. Осетины (аланы) – народ выносливый, происходят от ираноязычных скифов и сарматов.

– А чем вы занимаетесь в свободное время? Есть ли у вас какое-то хобби, это нынче модно.

– Свободного времени у меня почти нет. Много времени трачу на деловые телефонные разговоры. Иногда хожу на концерты коллег, в кино (Дом кино рядом,

через улицу). Кстати, дирижировала музыкой более чем к пятидесяти фильмам (к примеру, "Сорок первый", "Идиот", "6 июля", "Дневные звёзды"). Кино очень люблю – и смотреть, и работать для него.

– Как, по-вашему, дирижёр должен работать с оркестром? Есть ли у вас какие-то рекомендации?

– Надо учиться на чужом опыте, обязательно сидеть на репетициях великих дирижёров. Я прошла хорошую школу на репетициях Мравинского. Бывала на репетициях Густава Абендрота – был такой знаменитый человек, приехал однажды в СССР с программой, состоящей из всех девяти симфоний Бетховена. Один знакомый музыкант, милый старичок из Госоркестра, как-то мне заметил: "Вы единственная из всех молодых, кто ходит на репетиции!" А ведь это – школа. А нынешние – не ходят. Поэтому, говорят, дирижёрский класс в консерватории сейчас убогий. Жаль, если так. Ведь дирижёрская профессия – товар штучный. ■

Архив